

Елена Северская

Бриллиантовая Пыль

Елена Северская
Бриллиантовая пыль

«Автор»

2026

Северская Е.

Бриллиантовая пыль / Е. Северская — «Автор», 2026

Юля больше не может прятаться. После побега из лап Алефа она оказывается в руках Взора тайной организации охотников на сеятелей, возглавляемой безжалостным Глебом Игнатьевым. Для них она не человек, а оружие, способное убить древних богов-каннибалов. В бункере "Взора" она встречает тех, кто, как и она, пытается выжить между молотом и наковальней. Ее группа называется Бриллиантовая пыль горстка молодых псиоников, ставших пешками в чужой игре. Глеб готовит ловушку для Алефа, используя Юлию как наживку. Но древний хищник не так прост он превращает охоту в смертельную игру, где каждый ход может стать последним. Когда план проваливается, Юлии предстоит сделать выбор: остаться жертвой или стать тем, для чего она рождена. И на этот раз ставка не просто жизнь, а судьба всего человечества.

© Северская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: «ПЕРЕСАДКА»	5
ГЛАВА 2: «БУНКЕР "ГРАНИТ"»	10
ГЛАВА 3: «АРХИВАРИУС»	15
ГЛАВА 4: «ИСПЫТАНИЯ»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Бриллиантовая пыль

ГЛАВА 1: «ПЕРЕСАДКА»

Свобода пахла сыростью и страхом.

Юлия стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как дождь превращает ночную Москву в размытую акварель. Капли ползли по грязному стеклу, сливаясь в кривые ручейки, и она следила за ними взглядом, словно в этом бессмысленном движении можно было найти хоть какой-то порядок, хоть какой-то смысл. За спиной, в полумраке убогой трехкомнатной квартиры, тикали старые советские часы — громко, настойчиво, как метроном отсчитывающий время до чего-то неизбежного.

Три дня. Всего три дня прошло с той ночи. С бала, взрывов, побега. С последнего взгляда Алефа — неподвижного, тёмного, полного обещания, которое жгло сильнее любого огня. Юлия машинально потянулась к левому запястью, нащупала знакомую выпуклость шрама, провела по нему пальцем. Старая детская травма. Когда-то давно, в другой жизни, она упала с велосипеда и разодрала руку о ржавую проволоку. Мама кричала, мазала зелёнкой, целовала в макушку. «Моя девочка такая неуклюжая».

Сейчас она не знала, осталась ли в ней хоть что-то от той девочки.

— Юль, — голос Льва за спиной был осторожным, почти просительным. — Попробуй хоть немного поспать. Завтра будет тяжёлый день.

Она не обернулась. В отражении стекла видела его силуэт — сутулые плечи, взъерошенные волосы, руки, безвольно висящие вдоль тела. Лев выглядел измученным. Хорошо. Пусть знает, каково это — быть использованным.

— Завтра, — повторила она медленно, пробуя слово на вкус. — А послезавтра? Через неделю? Лёв, ты вообще понимаешь, что мы сделали? Мы не сбежали. Мы просто сменили одну клетку на другую. Только вместо золота и бархата здесь... — она обвела рукой тесную комнату с облупившимися обоями, старой мебелью, пятнами сырости на потолке, — ...это.

— Здесь мы в безопасности, — он сделал шаг ближе, но не решился коснуться её. — У них есть ресурсы. Связи. Они знают, как бороться с Сеятелями. Это не...

— Ресурсы для чего, Лёв? — она резко обернулась, и он вздрогнул от того, что увидел в её глазах. Не слёзы. Не страх. Холодную, выжигающую ярость. — Для новой жизни? Или для войны, в которой я — боеприпас? Ты слышал, как они говорят о нас? «Актив». «Материал». «Объект». Я для них не человек. Я — оружие, которое ещё не научилось стрелять.

Лев открыл рот, но слова застряли где-то в горле. Юлия видела, как работают мышцы его челюсти, как он судорожно сглатывает, как бледнеют костяшки пальцев, сжимающихся в кулаки. Хорошо. Пусть чувствует хоть каплю той боли, что жгла её изнутри каждую минуту с момента того страшного откровения в зимнем саду.

«Нет, чувства не помешали. Это работа».

Эти слова он произнёс по телефону, думая, что она не слышит. А теперь они крутились в её голове бесконечной петлёй, каждый раз вонзаясь всё глубже, как заточка.

В соседней комнате что-то хрустнуло — Артём переключал каналы старого телевизора, бесцельно щёлкая кнопками пульта. Звуки рекламы, ночных новостей, музыкальных клипов сливались в раздражающий гул. На раскладушке у стены спала Лика, свернувшись калачиком под тонким байковым одеялом. Её тёмные волосы рассыпались по подушке, лицо было мертвенно-бледным даже во сне, а длинные ресницы дрожали — снились кошмары. Юлия знала. Ей самой снились те же: руки Алефа на висках, тянущее ощущение, когда что-то выползает из тебя, как кишки из живота, лицо Сони в последнюю секунду — экстаз, переходящий в животный ужас...

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула. Воздух в квартире был спёртым, пахло старым табаком, пылью, кем-то чужим потом и страхом.

Юлия разжала кулак, посмотрела на ладонь. В центре её лежал странный металлический жетон — тёплый, хотя должен был быть холодным. Она нашла его на полке в ванной той ночью, когда они прятались на первой конспиративной квартире. Жетон был размером с крупную монету, покрыт мелкими символами, которые казались то ли буквами забытого алфавита, то ли орнаментом. При свете он отливал медью, но в темноте — словно изнутри просачивалось тусклое золотистое свечение. Она не сказала о нём ни Льву, ни кому-либо ещё. Это был её секрет. Её маленький якорь в мире, где всё ускользало из-под контроля.

За окном завывал ветер, сбивая последние листья с тощих деревьев во дворе. Юлия прижала жетон к груди, зажала в кулаке до боли.

— Лёв, — сказала она наконец, не глядя на него, — уйди. Пожалуйста.

Он замер. Она слышала его дыхание — сбивчивое, тяжёлое.

— Юля...

— Уйди.

Долгая пауза. Потом шаги — медленные, словно он шёл на казнь. Скрип половиц. Тихий щелчок закрывающейся двери в соседнюю комнату.

Юлия снова повернулась к окну. Дождь усиливался. В горле стоял знакомый ком — не слёз, а чего-то большего, тяжёлого, что невозможно было ни выплакать, ни выплюнуть. Она подумала об Алефе — о его руках, державших бокал с вином, о низком бархатном голосе, о том, как он называл её «моей блестящей девочкой». О том, как эти же руки высасывали жизнь из Сони.

Подумала о Льве — о его смущённой улыбке, о тёплых ладонях, о том, как он говорил, что влюбился по-настоящему. О том, как холодно и деловито произнёс по телефону: «Объект эмоционально нестабилен».

И поняла самое страшное: она больше никому не верила. Даже себе.

Стук в дверь прозвучал внезапно, несмотря на то, что часы показывали половину третьего ночи. Три коротких удара, пауза, два длинных. Не громкие, но настойчивые. Юлия вздрогнула, рука инстинктивно дёрнулась к запястью — искать там силу, защиту, что угодно. Артём подскочил на диване, уронив пульт. Лица проснулась, села, прижав одеяло к груди, глаза её в полумраке казались огромными и испуганными.

Лев вышел из комнаты, и Юлия увидела, что в его руке — небольшой чёрный пистолет. Откуда? Когда успел достать? Он двигался быстро, бесшумно, профессионально — и это было так не похоже на того неуклюжего, добродушного техника, которого она встретила когда-то в зимнем саду. Этот Лев был чужим. Солдатом. Агентом.

Он приложил палец к губам, кивнул Артёму. Тот выключил телевизор. Тишина стала осязаемой.

Лев подошёл к двери, глянул в глазок, замер. Потом медленно, очень медленно выдохнул и убрал пистолет за спину. Повернулся к ним.

— Игнатьев, — сказал он тихо, и в его голосе было что-то такое — смесь облегчения и новой, острой тревоги. — Всё в порядке. Это... это наш куратор.

Юлия не знала, кто такой Игнатьев. Но по тому, как Лев выпрямил спину, по тому, как быстро спрятал оружие, она поняла: это тот, перед кем нужно было вытягиваться по стойке смирно.

Лев открыл дверь.

И в квартиру вошла зима.

Не холод в физическом смысле — температура не изменилась. Но атмосфера сместилась, стала плотнее, тяжелее, словно воздух сам по себе решил отступить, освободить место

для чего-то большего. Мужчина в дверном проёме не врывался, не входил — он заполнял пространство просто фактом своего присутствия.

Глеб Игнатъев.

Юлия не знала его имени ещё несколько секунд, но уже понимала: вот он, настоящий хозяин этой игры.

Ему было под пятьдесят — или больше, или меньше, сложно сказать. Лицо его было высечено из того материала, который не стареет, а только твердеет со временем. Короткая седая щетина покрывала мощные челюсти и череп. Глаза цвета промокшего пепла смотрели спокойно, без любопытства, без сочувствия — просто оценивали. В них не было привычки к смеху. Только привычка к боли, решениям и контролю.

Широкие плечи, жилистая фигура в неброском тёмно-сером костюме под короткой практичной курткой. Никаких украшений, никаких лишних деталей. Даже ботинки — простые, армейские, со следами московской грязи.

Он двигался экономично — ни одного лишнего жеста, как механизм, из которого удалили всё ненужное, оставив только функцию.

За его спиной стояли двое. Мужчина и женщина — оба с такими же каменными лицами, оба в тёмном, оба с профессиональным, оценивающим взглядом людей, которые видели многое и ничему уже не удивлялись.

— Юлия Ветрова, — сказал Игнатъев, и его голос был низким, ровным, без всяких эмоциональных окрасок. Он не спрашивал. Он констатировал. Взгляд скользнул по ней — сверху вниз, быстро, точно, как сканер. — Лика Летова. Артём Сидоров.

Он знал их имена. Все. Юлия почувствовала, как по спине поползли мурашки.

— Груз в порядке, — добавил Игнатъев, обращаясь уже не к ним, а к Льву. — Поехали. Лев сделал шаг вперёд, и Юлия увидела, как напряглись его плечи, как сжались кулаки.

— Минуту, — голос его был тверже, чем она ожидала. — Какие гарантии? Куда мы едем? Они имеют право знать...

Игнатъев повернул к нему голову. Медленно. Как танковая башня. Не было ни раздражения, ни гнева — только абсолютное, ледяное спокойствие.

— Гарантия, — произнёс он, не повышая голоса, но каждый звук ложился в тишину как удар тупым лезвием, — это то, что вы всё ещё живы и не в лапах Сеятелей. Куда — на безопасную базу. Ваше мнение, агент Орлов, было учтено при планировании операции. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Сейчас ваша задача — выполнять приказ и обеспечить беспроблемную погрузку актива.

Актива.

Он назвал их «активом». Не людьми. Не беженцами. Активом.

Юлия почувствовала, как что-то внутри неё — то последнее тёплое, мягкое место, которое ещё надеялось на человечность, на понимание — сжалось в твёрдый, холодный узел.

Лев открыл рот, но Игнатъев уже отвернулся, отдавая негромкие команды своим людям. Те двинулись по квартире — быстро, уверенно, профессионально. Женщина начала собирать их скудные пожитки, складывая всё в чёрные спортивные сумки. Мужчина проверил окна, выглянул на лестничную площадку, вернулся, кивнул Игнатъеву. Всё происходило в тишине, отлаженно, как механизм.

Никто не спрашивал разрешения. Никто не объяснял.

Юлия стояла, прижав ладони к бёдрам, и чувствовала себя контейнером. Ящиком с опасным грузом, который перемещают со склада на склад, не интересуясь содержимым.

— Две минуты на сборы, — бросил Игнатъев в пустоту, ни к кому конкретно не обращаясь. — Потом выдвигаемся.

Лица тихо всхлипнула, натягивая джинсы поверх пижамных штанов. Артём уже натаскивал кроссовки, с побелевшим лицом. Лев стоял, стиснув челюсти, и Юлия видела, как борются в нём гнев и дисциплина.

Она подошла к своему углу, взяла помятую куртку, сунула в карман жетон, телефон, зарядку. Больше брать было нечего. Всё, что у неё осталось от прошлой жизни, умещалось в кармане ветровки.

Когда она проходила мимо Игнатьева к выходу, он вдруг задержал на ней взгляд. Всего на секунду — может, чуть дольше. Не как на женщине. Не как на человеке, даже. Он смотрел на неё так, как инженер смотрит на сложный, незнакомый механизм: пытаясь понять принцип работы, оценить мощность, просчитать применение.

В этом взгляде не было жалости. Не было жестокости. Было что-то хуже — абсолютное, холодное любопытство исследователя.

Юлия отвела глаза первой. Но не от страха. От того, что этот взгляд был слишком знакомым. Так же на неё смотрел Алеф, когда держал её руки в первый урок силы. «Интересное устройство. Посмотрим, на что оно способно».

Двор тонул в дожде. Вода лилась сплошной стеной, барабанила по асфальту, по крышам припаркованных машин, по козырькам подъездов. Свет редких фонарей дробился на тысячи осколков.

У подъезда стояли два чёрных микроавтобуса без опознавательных знаков — даже номера были залеплены грязью. Двери одного из них распахнулись, и Юлию буквально затолкали внутрь, следом — Лику, Артёма, Льва. Игнатьев сел впереди, рядом с водителем.

Внутри пахло пластиком, резиной и чужим, вьёвшимся в обивку страхом. Сиденья жёсткие, окна тонированные так, что снаружи ничего не разглядеть. Лица прижалась к Юлии, дрожа всем телом. Артём упёрся лбом в стекло, закрыв глаза.

Лев попытался взять Юлию за руку. Она отдернула её, резко, так, что он вздрогнул.

— Юля...

— Не надо.

Двигатель завёлся — тихий, ровный, дорогой. Машина плавно тронулась с места. Вторая поехала следом.

Юлия смотрела в тонированное стекло, за которым плыли огни спящего города — жёлтые, красные, белые пятна, размазанные дождём. Москва была огромной, равнодушной, чужой. Где-то там, в этих миллионах окон, люди спали, не зная, что прямо сейчас по их улицам едут те, кто видел, как пожирают души. Не зная, что война, о которой они не подозревают, уже идёт.

Юлия закрыла глаза, попыталась дышать ровно. Внутри, под рёбрами, что-то тёплое и колючее ворочалось — сила, псионы, как бы их там ни называли. Она чувствовала их всегда теперь, особенно когда эмоции зашкаливали. Словно внутри жил второй человек, сделанный из света и ярости, и он рвался наружу.

Она вспомнила урок Алефа. Его руки, направляющие её ладони. «Слушай тишину между ударами сердца. Ищи там энергию». Тогда это было волшебством, открытием, восторгом.

Теперь — оружием.

Машина резко свернула, и Юлию качнуло в сторону. Лица тихонько всхлипнула. Артём по-прежнему молчал, только его ладони сжались в кулаки.

Игнатьев что-то говорил по рации — короткие, непонятные фразы: «Борт два, подтверждаю маршрут. Чистый хвост. Переход на канал три».

«Чистый хвост». Значит, их не преследуют. Или так им говорят.

Юлия подняла глаза вверх — к мутному стеклу крыши микроавтобуса, за которым был только дождь, небо и тьма. На мгновение ей показалось, что там, в темноте, что-то мелькнуло — большая чёрная тень, слишком плавно скользнувшая в воздухе.

Сердце ёкнуло.

Она вспомнила — во дворе, когда их сажали в машины. Подняла глаза на мгновение и увидела на крыше соседней пятиэтажки. Сидел крупный ворон. Неподвижный. Слишком неподвижный. И ему, кажется, не моргал.

Просто ворон. Городская птица. Ничего особенного.

Но у Юлии внутри всё сжалось в холодный, тяжёлый узел.

За ними наблюдают. И это не «Взор».

Она взглянула на Льва. Тот смотрел в окно, профиль его был напряжённым, угловатым. Он чувствовал что-то? Или для него это была просто очередная операция — переброска «актива» с точки А в точку Б?

Машина мчалась сквозь ночной город, и каждый поворот, каждый километр уносил её всё дальше. От Шпули. От прежней жизни. От той Юлии, что мечтала о путешествиях и раскладывала цифры в таблицах Excel.

Она прижала ладонь к груди, нащупала сквозь ткань куртки тёплый жетон. Единственное, что осталось её. Что-то своё. Что-то, что они не контролируют.

Глеб Игнатьев обернулся вполоборота, посмотрел на них через плечо. Лицо его в тусклом свете приборной панели казалось высеченным из камня.

— Через час будем на месте, — сказал он. — Там объясню правила. Их немного, но они жёсткие. Нарушите — окажетесь на улице. А на улице, дети, вас сожрут в первый же день.

Дети. Он назвал их детьми. Юлии было тридцать два.

Она сжала зубы так сильно, что заболела челюсть.

«Золотая клетка Алефа была хоть красивой, — подумала она, глядя в мутное окно, за которым плыли огни чужого, равнодушного мира. — Эта — железная. И, кажется, её дверь захлопнулась навсегда».

Двигатель ровно гудел. Дождь барабанил по крыше. Где-то в темноте, высоко над ними, скользила большая чёрная тень.

И Юлия знала — это только начало.

ГЛАВА 2: «БУНКЕР "ГРАНИТ"»

Дорога тянулась бесконечно.

Сначала были огни — редкие фонари на окраинах, потом совсем ничего. Только чернота за окнами и белые конусы фар, вырывающие из темноты куски асфальта, стволы деревьев, размытые дождём придорожные знаки. Потом асфальт кончился, и машина начала трястись на ухабах грунтовки.

Юлия сидела, прижавшись плечом к холодной обшивке, и смотрела в окно, хотя там не было ничего, кроме тьмы. Время утратило смысл — может, ехали час, может, три. Часы на телефоне показывали четыре утра, но это ничего не значило. Мир за стеклом перестал существовать, остались только гул двигателя, мерное покачивание на ухабах и тишина внутри салона — тяжёлая, давящая, полная невысказанных страхов.

Лица всхлипывала тихо, судорожно, уткнувшись лицом в ладони. Плечи её вздрагивали в такт рыданиям, но звуки почти не было — только сдавленное, жалкое сопение. Юлия хотела обнять её, сказать что-то утешительное, но слова застревали в горле, как осколки стекла. Что она могла сказать? «Всё будет хорошо»? Ложь. «Мы в безопасности»? Ещё большая ложь.

Артём сидел напротив, закусив губу так сильно, что на подбородке блестела капля крови. Он смотрел в пол, руки сжаты в кулаки на коленях, костяшки побелели. Юлия видела, как дрожат его пальцы — мелко, нервно. Он был самым молодым из них, всего двадцать, и Юлия вдруг поняла, что для него всё это — побег, бегство, эти машины, Глеб — было первым настоящим столкновением с миром за пределами «Ожерелья». Алеф взял его почти ребёнком, вырастил в золотой клетке, наполнил красотой, музыкой, иллюзией важности. А теперь клетка разбилась, и Артём смотрел на осколки, не зная, как собрать себя заново.

Лев сидел рядом с водителем, в профиль к ней. Спина прямая, плечи напряжённые, руки на коленях — правильная, солдатская поза. Юлия смотрела на него и пыталась разглядеть того человека, который говорил ей, что влюбился по-настоящему. Того, кто целовал её в зимнем саду так, словно она была последним глотком воздуха перед погружением в пучину.

Но видела только затылок, жёсткую линию челюсти, руки, лежащие слишком спокойно, слишком правильно.

«Объект эмоционально нестабилен. Готов к вербовке».

Она отвела взгляд.

Впереди, на пассажирском сиденье, сидел Глеб Игнатьев. Он не двигался, не оборачивался — просто сидел, глядя вперёд, иногда что-то говоря водителю тихим, ровным голосом. Юлия изучала его украдкой, по обрывкам.

Военная выправка — спина не касается спинки сиденья, даже здесь, в машине, даже ночью. Короткая седая щетина, ровная, словно подстрижена линейкой. Куртка чистая, но выдавшая виды — потёртости на локтях, заплатка на плече, едва заметная в полумраке.

Левая рука лежала на колене. На тыльной стороне ладони — шрам, длинный, неровный, от указательного пальца почти до запястья. Старый. Юлия знала такие шрамы — от ножа или осколка, что-то, что резало глубоко и долго заживало.

На безымянном пальце не было обручального кольца. Но был след — тонкая белая полоска кожи, чуть вдавленная, словно кольцо носили годами, а потом сняли. Недавно.

Юлия отметила это, сложила в уме, как складывала когда-то цифры в таблицах. Данные. Факты. Военный. Женат был, больше нет. Шрам боевой. Возраст — под пятьдесят, но в форме, жилистый, без жира. Двигается экономно, говорит мало, командует естественно.

Это был человек, который видел смерть. Много раз. И, возможно, причинял её сам.

Юлия не знала, пугало её это или успокаивало.

Машина резко затормозила, и Лику качнуло вперёд. Она вскрикнула, уцепилась за спинку сиденья. Артём поднял голову, посмотрел в окно.

— Где мы? — спросил он хрипло. Первые слова за всю дорогу.

Никто не ответил.

Глеб открыл дверь, вышел. Холодный ночной воздух ворвался в салон — пахло сыростью, прелыми листьями, хвоей и чем-то ещё, металлическим и тяжёлым. Лев тоже вышел, кивнул им: «Выходите».

Юлия выбралась из душного салона и огляделась.

Лес. Густой, тёмный, почти непроницаемый. Огромные сосны и ели смыкались над головой, их кроны терялись в ночной мгле. Под ногами — мягкая хвоя, мох, камни. Дождь здесь почти не доставал — только редкие тяжёлые капли пробивались сквозь заслон ветвей и падали на землю с глухим шлепком.

Вторая машина остановилась следом. Из неё вышли двое людей Глеба — мужчина и женщина, молчаливые, быстрые. Водители выключили фары, и темнота стала абсолютной. Только слабый свет от ручных фонарей выхватывал из мрака полосы деревьев, мокрые камни, силуэты людей.

— Сюда, — бросил Глеб и двинулся вперёд, не оглядываясь.

Они пошли за ним — Лев впереди, потом Юлия, поддерживающая Лику за локоть, за ними Артём. Люди Глеба замыкали шествие.

Тропы не было. Они пробирались между деревьями, спотыкаясь о корни, соскальзывая на мокрых камнях. Лица несколько раз чуть не упала, Юлия держала её крепче. Лес был живым — шорохи, треск веток, где-то далеко ухнула сова, что-то зашуршало в кустах.

Юлия оглянулась. Один из людей Глеба шёл позади, держа в руках не фонарь, а что-то вроде небольшого планшета. На экране мерцали линии, точки. GPS? Или что-то другое?

— Не отставайте, — бросил Лев через плечо. Голос его был ровным, но Юлия слышала напряжение. Он знал, куда они идут. И это его не радовало.

Они вышли к склону оврага. Крутой, заросший кустарником, внизу виднелась чернота — ручей или просто яма, не разобрать. Глеб остановился у массивного валуна — серого, покрытого мхом и лишайником, обычного, каких в лесу тысячи.

Он достал из кармана что-то вроде брелока, нажал кнопку.

Валун вздрогнул.

Юлия замерла.

Камень начал медленно, почти бесшумно отъезжать в сторону — не катиться, а именно съезжать, словно на рельсах. Под ним открылся люк — квадратный, металлический, с ржавыми краями. А под люком — бетонная рампа, уходящая вниз, в темноту.

— Иллюзия? — прошептала Лица, вцепившись в рукав Юлии.

— Механизм, — ответил Лев. — Старый советский бункер. Их десятки по всей стране. Заброшенные, забытые. Официально.

Глеб спустился первым. За ним его люди. Потом Лев, кивнув Юлии: «Давай. Здесь безопаснее, чем наверху».

Юлия ступила на рампу. Бетон был холодным, влажным, скользким. Пахло плесенью, маслом и чем-то ещё — озоном, словно где-то внизу работали мощные электроприборы.

Рампа уходила вниз по спирали. Свет тусклый, аварийный — редкие лампы в клетках, вмонтированные в стены. Стены из голого бетона, местами потрескавшегося, покрытого подтёками ржавой воды. Кое-где сохранились старые граффити — советские солдаты царапали их ножами или писали углём. «Здесь был Вовка 1987». «Ядрёна бомба». «Домой хочу».

Чем глубже они спускались, тем громче становился гул — низкий, монотонный, словно где-то в недрах земли работал огромный двигатель. Генераторы. Юлия чувствовала вибрацию сквозь подошвы кроссовок.

Спуск длился вечность. Лица задыхались, цеплялась за перила — холодные, покрытые конденсатом. Артём шёл молча, но Юлия видела, как побелели его губы. Он был на грани.

Наконец рампа закончилась. Перед ними — массивная стальная дверь, похожая на дверь в банковское хранилище. Глеб приложил ладонь к сканеру. Механизм щёлкнул, завыл, и дверь медленно, с натужным скрежетом, открылась.

За ней был свет.

Центральный зал бункера «Гранит» был огромным — потолки метров пять, длина — с футбольное поле. Когда-то это был командный пункт — на стенах ещё сохранились ржавые крепления от карт, пустые ниши для мониторов, обломки советской электроники. Но теперь пространство было переделано, адаптировано под жизнь.

Часть зала заняли жилые модули — металлические контейнеры, сваренные из грузовых, с крошечными окошками и дверьми. Они стояли в два яруса, соединённые самодельными лестницами. Между ними — коридоры, занавешенные брезентом для подобия приватности.

Другая часть — лабораторией. Длинные столы, заваленные компьютерами, проводами, какими-то странными приборами. На одном из столов стояла установка, похожая на смесь научного оборудования и алтаря — кристаллы, металлические диски, экраны с бегущими графиками.

Свет — тусклый, холодный, от ламп дневного света. Воздух спёртый, пахло человеческим потом, дешёвым кофе, паяльником и сыростью. Гул генераторов здесь был громче, постоянный, как пульс подземного чудовища.

Людей было около пятидесяти. Все заняты делом — кто-то сидел за компьютерами, кто-то варил что-то на самодельной кухне в углу, кто-то чинил оборудование. Когда Глеб вошёл, несколько человек подняли головы, бросили на новичков короткие, оценивающие взгляды — и тут же вернулись к работе.

Никто не улыбнулся. Никто не подошёл поздороваться.

Здесь царил дисциплина тихого отчаяния. Это были люди, которые знали, что мир наверху враждебен, что спасения нет, что они живут взаймы у времени.

Глеб остановился в центре зала, обернулся. Голос его был негромким, но в гулком пространстве разносился легко:

— Это актив «Омега» и его сопровождение. — Он не называл имён. — Сегодняшний протокол — карантин, медосмотр, брифинг. Не отвлекайтесь от работ.

Ни приветствий. Ни представлений.

Юлия стояла, чувствуя на себе десятки взглядов — быстрых, колющих, как иглы. Её оценивали. Измеряли. Решали, насколько она опасна, насколько полезна, стоит ли вообще тратить на неё ресурсы.

Она сжала кулаки, ногти впились в ладони. Внутри, под рёбрами, шевелилось что-то тёплое и злое — сила, рвущаяся наружу. «Спокойно, — приказала она себе. — Не здесь. Не сейчас».

— За мной, — бросил Глеб и двинулся к дальнему углу зала.

В углу, отгороженном фанерными щитами и брезентовыми занавесками, было подобие офиса. Несколько мониторов, старый диван с продавленными пружинами, доска, испещрённая странными символами, графиками, кривыми линиями. Пахло кофе и сигаретами.

На диване развалился парень лет двадцати пяти, в яркой футболке с принтом «Я тебя вижу». На голове — чёрная повязка, похожая на маску для сна, только сдвинутая на лоб. Лицо усталое, но молодое, с острыми чертами и насмешливыми карими глазами. Он жевал жвачку, закинув ноги на подлокотник.

У доски стояла девушка — хрупкая, в больших круглых очках, волосы стянуты в тугий хвост. Она водила пальцем по диаграммам, что-то шептала себе под нос. Лет двадцать два, может, чуть меньше. Лицо серьёзное, сосредоточенное, большие серые глаза за стёклами очков.

Парень заметил их первым. Приподнял повязку на лоб, присвистнул:

— Опа! А вот и легендарные беглецы в стиле «Из огня да в полымя»! — Он вскочил с дивана, подошёл, оглядел их с ног до головы, прищурившись. — Приветствую в нашем склепе. Я — Витя, ясновидящий по несчастью. А это, — он кивнул на девушку у доски, — Света, наша ходячая энциклопедия по призракам.

Света обернулась, смущённо поправила очки.

— Витька, перестань, — пробормотала она и, обращаясь к ним уже мягче: — Я — Светлана. Психометрист. Мы... рады, что вы живы.

Её голос был тихим, искренним. Юлия увидела в её глазах не любопытство, а сочувствие — настоящее, без фальши.

Лица шагнула вперёд, подняла подбородок. Голос её дрожал, но в нём звучал вызов:

— Вы кто такие? Вы не из «Ожерелья».

Витя усмехнулся, скрестил руки на груди:

— О, «Ожерелье»! Нет, милая, мы — самородки. Меня нашли, когда я в баре предсказал пьяному олигарху инфаркт по цвету его ауры. Светку — когда она на раскопках начала плакать, трогая черепок, и рассказала всю биографию гончара, умершего триста лет назад. — Он пожал плечами. — Мы тут... скажем так, на спецобслуживании. Кормят, поят, не дают в обиду. Взамен — работаем. Ищем других таких же, следим за Сеятелями, иногда спасаем дураков, которые попались им в лапы.

Он говорил легко, с усмешкой, но Юлия видела — под маской цинизма скрывалась усталость. Глубокая, вьевшаяся в кости.

— А ты, — Витя перевёл взгляд на Юлию, и усмешка на его лице померкла. Он прищурился, наклонил голову, словно всматриваясь в неё сквозь что-то невидимое. — Ух ты. А у тебя, подруга... свечение. Как у маленького солнца. Болезненное такое. Прямо в глазах рябит.

Юлия напряглась. Что он видит? Силу? Или что-то ещё?

Артём шагнул вперёд, голос его был резким, злым:

— Они ничего не понимают. Они не видели, что такое Сеятель. Не знают, каково это — быть его игрушкой, его будущим обедом. Они сидят здесь, в своей норе, и играют в супергероев, а там, наверху...

— А ты думаешь, мы по своей воле в этой бетонной коробке сидим? — Витя развернулся к нему, и вся лёгкость разом слетела с его лица. Осталось что-то жёсткое, болезненное. — Нас тоже находили. Ловили. Прятали. Просто нам повезло не стать чьим-то обедом, а попасть сюда. В общагу для психов-неудачников, которые слишком опасны, чтобы жить нормально, и слишком слабы, чтобы победить.

Повисла тишина.

Света тихо сказала:

— Мы на одной стороне. Правда.

Артём отвернулся, сжав челюсти. Лица смотрела в пол. Лев стоял у стены, сложив руки на груди, лицо его было непроницаемым.

Глеб, молча наблюдавший весь этот обмен, наконец заговорил:

— Эмоции — потом. Сейчас — карантинная зона. Витя, проводи.

Витя кивнул, снова натянул на лицо усмешку:

— За мной, товарищи беглецы.

Карантинная зона оказалась узким отсеком в дальнем конце бункера. Четыре металлические койки, тонкие матрасы, серые одеяла. Умывальник в углу, ведро вместо туалета за занавеской. Стены голые, бетонные. Одна лампа под потолком — тусклая, мерцающая.

— Пятизвёздочный отель, — буркнул Витя. — Располагайтесь. Завтра — медосмотр, тесты, вся весёлая программа. Дверь не запирается, но лучше не выходить без спроса. Люди здесь нервные. Могут и пристрелить сдуру.

Он ушёл. Дверь закрылась, и Юлия услышала тихий щелчок — электронный замок. Врал. Дверь закрыта.

Лица рухнула на койку, уткнулась лицом в подушку и снова заплакала — уже громче, без сил сдерживаться. Артём сел на край другой койки, обхватил голову руками. Лев остановился у двери, попробовал ручку. Заперто. Он ударил кулаком по металлу — не сильно, но зло.

— Лёв, — окликнула Юлия.

Он обернулся. В глазах его было столько боли, что ей стало почти жаль его.

Почти.

— Они заперли нас, — сказала она ровно. — Как подопытных крыс.

— Это протокол, — начал он. — Карантин, безопасность...

— Протокол, — повторила Юлия и усмехнулась. Горько, без капли веселья. — Знаешь, что сказал Витя? «Слишком опасны, чтобы жить нормально, и слишком слабы, чтобы победить». Вот кто мы. Не люди. Не бойцы. Особо ценные образцы.

Лев открыл рот, закрыл. Отвернулся.

Юлия легла на койку, натянула одеяло до подбородка. Оно пахло чужим потом и стиральным порошком. Лампа под потолком мерцала, отбрасывая дрожащие тени на стены.

Она закрыла глаза.

Внутри, глубоко под рёбрами, ворочалась сила — тёплая, колючая, живая. Она чувствовала её постоянно теперь. Как второе сердце. Как зверя в клетке, который рвался наружу.

«Они боятся нас, — подумала Юлия. — Или того, что в нас. Витя прав. Это не убежище. Это камера для особо ценных образцов. И наша ценность измеряется только нашей опасностью».

Где-то наверху, в чёрном лесу под чёрным небом, сидел ворон на ветке и смотрел вниз. И Юлия, засыпая, чувствовала этот взгляд — холодный, терпеливый, неотрывный.

ГЛАВА 3: «АРХИВАРИУС»

Юлия проснулась от того, что кто-то трогал её за плечо. Резко, без предупреждения — сон оборвался, как натянутая струна, и она вскочила, инстинктивно отшатываясь. Сердце колотилось, во рту — сухость, руки сами сжались в кулаки, и где-то глубоко внутри что-то вспыхнуло — горячее, готовое защищаться.

— Тихо, — голос Льва был осторожным, примиряющим. Он стоял в шаге от койки, руки поднял, показывая, что не опасен. — Это я. Глеб велел тебя разбудить. Нужно в архив.

Она моргнула, пытаясь сфокусироваться. В отсеке было полумрачно — лампа под потолком горела тускло, отбрасывая жёлтые тени на бетонные стены. Лика и Артём ещё спали — Лика свернулась калачиком под одеялом, Артём лежал на спине, раскинув руки, дыхание его было тяжёлым, прерывистым. Снились кошмары.

Юлия глянула на телефон. Половина десятого утра. Хотя под землёй это не имело значения — здесь всегда была одна и та же мертвенная полутьма, один и тот же спёртый воздух.

— Зачем? — спросила она хрипло. Горло пересохло, голос звучал чужим.

— Не знаю, — Лев пожал плечами, но в глазах его мелькнуло что-то — то ли тревога, то ли сочувствие. — Семён Семёнович просил. Он... местный хранитель знаний. Если Глеб сказал идти — лучше не спорить.

Юлия села, потёрла лицо ладонями. Кожа была холодной, липкой. Ей снился Алеф — его руки на её висках, свет, вытекающий из неё, его голос, шепчущий: «Ты всегда будешь моей». Она проснулась с ощущением, что задыхается.

— Дай мне минуту, — сказала она.

Лев кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь. Юлия встала, подошла к умывальнику — ржавая раковина, холодная вода, которая текла тонкой струйкой. Она плеснула себе в лицо, вздрогнула от ледяного укуса. Посмотрела в мутное зеркало над раковиной.

Отражение смотрело на неё чужими глазами. Бледное лицо, синяки под глазами, волосы спутанные, губы сухие, потрескавшиеся. Но хуже всего были глаза — серо-зелёные, всегда казавшиеся мягкими, теперь они будто заострились, стали жёстче, старше.

«Кто ты?» — подумала она, глядя на своё отражение. И не нашла ответа.

Архив находился в отдельной секции бункера, за решётчатой дверью, запертой на кодовый замок. Лев провёл её по узкому коридору, стены которого были исписаны выцветшими стрелками и номерами отсеков. Пахло плесенью и старым маслом. Генераторы гудели где-то за стенами — монотонно, навязчиво, как зубная боль.

Лев набрал код, дверь щёлкнула, открылась со скрежетом. За ней — лабиринт.

Стеллажи до потолка, забитые папками, книгами, журналами, коробками. Всё покрыто пылью — толстым, серым слоем, который поднимался облачками при каждом движении. Между стеллажами — узкие проходы, едва хватало места протиснуться боком. Освещение тусклое — одинокие лампочки под абажурами, висящие на проводах.

На столе, заваленном бумагами, картами, старыми фотографиями и странными артефактами в пластиковых коробках, сидел старик.

Маленький, сухонький, в поношенном кардигане цвета мокрого мха, из-под которого выглядывала клетчатая рубашка. Волосы седые, редкие, зачёсанные назад. На носу — толстые очки в роговой оправе, за стёклами которых глаза казались огромными, как у филина. На груди висела лупа на цепочке. Руки — тонкие, в пятнах старости, но пальцы двигались быстро, уверенно, перебирая бумаги.

Он поднял голову, когда они вошли, и улыбнулся — едва заметно, уголками губ.

— А, Ветрова, — голос его был тихим, но чётким, с интонациями человека, привыкшего говорить с книгами чаще, чем с людьми. — Дождались. Садитесь. — Он кивнул на шаткий стул напротив. — Не бойтесь, я не кусаюсь. Только знаниями подавлю.

Юлия медленно опустила на стул. Лев остался у двери, скрестив руки на груди.

Старик отложил бумаги, снял очки, протер их краем кардигана, надел обратно. Посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

— Семён Семёнович Кравцов, — представился он. — Можно просто Семёныч. Я здесь архивариус, историк, иногда — философ поневоле. — Он развёл руками, показывая на завалы вокруг. — Всё, что мы знаем о Сеятелях, Древних, Эфире — здесь. И ещё многое, чего не знаем, но подозреваем.

Юлия молчала, не зная, что сказать. Старик улыбнулся чуть шире:

— Глеб велел вас просветить. Говорит, вы умная девочка, но понятия не имеете, во что ввязались. Это правда?

Она сглотнула, кивнула.

— Тогда начнём с простого, — Семён Семёнович придвинул к себе потрепанный блокнот, взял карандаш. — Скажите, что вы знаете об Эфире?

Юлия задумалась. Алеф говорил об этом — обрывками, метафорами. «Первичная субстанция». «Среда для силы». Но это были слова без контекста, как обломки мозаики.

— Почти ничего, — призналась она.

— Хорошо, — кивнул старик. — Честность — редкость. — Он нарисовал на бумаге круг. — Представьте океан. Неизмеримый, вездесущий. Он заполняет собой всё — воздух, землю, космос, вас, меня. Но это не материя. Это... потенциал. Среда. Эфир.

Он постучал карандашом по кругу.

— В девятнадцатом веке учёные предполагали, что свет распространяется через некую субстанцию — светоносный эфир. Потом Эйнштейн и другие опровергли это. Но они ошибались. Эфир существует. Просто он не для света. Он для сознания.

Юлия наклонилась вперёд, вслушиваясь. Старик говорил просто, но каждое слово ложилось в голову, как кусок пазла.

— Псионы, — продолжал он, рисуя маленькие точки внутри круга. — Капли этого океана. Частицы сознания. Кванты, если угодно. Они сами стремятся к структуре, к форме. К жизни. Когда рождается живое существо — растение, насекомое, животное, человек — оно начинает притягивать псионы из Эфира. Как магнит. И эти псионы формируются в... — он обвёл точки ещё одним кругом, — ...душу.

Юлия вспомнила слова Алефа: «Ты — проводник. Ты можешь разговаривать с миром на языке силы». Тогда это звучало как комплимент, соблазн. Теперь — как диагноз.

— Душа, — сказал Семён Семёнович, отложив карандаш, — это уникальный узор псионов, привязанный к живому существу. Чем сильнее, ярче жизнь — чем больше эмоций, воли, осознанности — тем больше псионов притягивает душа. Обычный человек — стакан. Сильный человек — кувшин. А вы... — он посмотрел на неё поверх очков, — вы, дорогая моя, озеро.

Молчание.

Юлия чувствовала, как внутри неё что-то сжимается. «Озеро». Не стакан. Озеро.

— Древние, — старик встал, подошёл к одному из стеллажей, достал папку с пожелтевшими листами. — Они первые осознали это. Около ста тысяч лет назад, может, раньше. Научились не просто притягивать псионы, а управлять ими. Одни, — он раскрыл папку, показал рисунок — фреску с изображением жрецов в ритуальных масках, — стали жрецами этого огня. Теократы. Для них сила была божественным даром, путём к слиянию с Эфиром, к вечности через духовность.

Он перевернул страницу. Другая фреска — люди в странных доспехах, с устройствами в руках.

— Другие стали инженерами. Технократы. Для них псионы были ресурсом, топливом, материалом для построения цивилизации. Они создавали машины, которые могли аккумулировать и перенаправлять пси-энергию. Шлюзы, о которых вы, возможно, слышали.

Юлия кивнула. Ритуал на вилле. Подвал-святилище. Рисунок на полу.

— А когда инженер и жрец ссорятся... — Семён Семёнович захлопнул папку, — случается Потоп. Великая Война. Двенадцать тысяч лет назад. Они разорвали мир. Буквально. Геологический катаклизм, смещение полюсов, исчезновение целых континентов. Атлантида, Лемурия — не мифы, а руины. От цивилизации Древних осталось... — он обвёл рукой архив, — вот это. Обломки.

Юлия слушала, затаив дыхание. Всё, что Алеф говорил, обретало смысл. Но жуткий, страшный смысл.

— Сеятели, — продолжал старик, возвращаясь к столу, — это победители. Вернее, выжившие. Потомки Теократов, в основном. Они ушли в соседнее измерение — Небеса, Эмпирей, как ни назови. Там они построили свой мир, свою иерархию. А Землю... — он усмехнулся горько, — оставили как ферму. Источник пищи.

— Они не создают, — сказала Юлия тихо, вспоминая слова Алефа. — Они потребляют.

— Именно, — кивнул Семён Семёнович. — Поглощая чужие души, они не стареют, не слабеют. Их сила растёт. Они — кульминация эгоизма вселенной. Бессмертие, построенное на чужих костях.

— А Титаны? — спросила Юлия. Лев упоминал их мельком.

Старик вздохнул, снял очки, потёр переносицу.

— Проигравшие альтруисты. Малая часть Древних — идеалисты из обеих фракций — решили, что нельзя строить вечность на убийстве. После Войны они остались на Земле, пытались помочь уцелевшему человечеству. Учителя, культурные герои — Осирис, Прометей, Кецалькоатль. Мифы полны их следов. Но... — он надел очки обратно, — их силы истощились. Они не стали жертвовать людьми ради себя. Ушли. Часть — в Небеса, где их судьба неизвестна. Часть — в анабиоз где-то на Земле. Часть просто умерла.

— Они оставили нам надежду? — спросила Юлия, и в голосе её прозвучала горечь.

— Возможности, — поправил старик. — Надежда — это то, что мы сами из этих возможностей лепим.

Он открыл другую папку, достал фотографию. Юлия наклонилась ближе.

Это был снимок экрана — график, похожий на кардиограмму, но сложнее. Волны, пики, провалы. В центре — один огромный всплеск, красный, почти касающийся верхней границы.

— Это запись пси-фона Москвы в ночь вашего... инцидента на вилле Алефа, — сказал Семён Семёнович. Голос его стал тише, серьёзнее. — Видите этот пик? Это вы. А вот это, — он провёл пальцем по фону, усеянному мелкими колебаниями, — фон десяти тысяч человек в радиусе километра.

Юлия уставилась на график. Её пик был в десятки раз выше общего фона.

— Вы, дорогая, одной своей вспышкой перекрываете фон целого района, — сказал старик. — Вы не просто Бриллиант. Вы — аномалия.

Горло Юлии сжалось. Она с трудом выдавила:

— Что это значит?

Семён Семёнович сложил руки на столе, посмотрел ей прямо в глаза. За толстыми стёклами очков его взгляд был печальным, но честным.

— Это значит, что для такого, как Алеф, вы — не просто бриллиант. Вы — Эльдorado. Клондайк. Поглотив вас, он станет сильнее, чем за последнюю тысячу лет. Возможно, сильнеем среди Сеятелей. А для нас... — он помолчал, — вы либо величайшее открытие, либо величайшая угроза. Ковчег, в котором можно уплыть. Или бомба, которая всё уничтожит.

Тишина повисла в воздухе, тяжёлая, как свинец.

— Я не просила об этом, — прошептала Юлия.

— Никто не просит, — ответил старик мягко. — Но судьба не спрашивает разрешения.

Юлия встала. Ноги подкашивались, голова гудела, словно её наполнили горячим воском. Всё, что она узнала за последние полчаса, давило, сжимало, не давало дышать.

— Могу я... мне нужно побыть одной, — сказала она.

Семён Семёнович кивнул:

— Конечно. Но запомните, девочка: знание — не проклятие. Это инструмент. Теперь вы знаете правила игры. А тот, кто знает правила, перестаёт быть пешкой.

Лев провёл её обратно молча. Она шла, не видя коридора, не чувствуя холодного бетона под ногами. В голове крутились слова старика:

«Озеро. Эльдорадо. Бомба».

Она вернулась в карантинный отсек. Лица и Артём уже проснулись, сидели на койках, вяло переговариваясь. Они замолчали, когда она вошла, посмотрели на неё вопросительно.

Юлия легла на койку, устала в потолок.

Знание не освободило её. Оно надело на неё каменное ярмо.

Раньше она боялась за свою жизнь. Теперь она должна была бояться за то, во что может превратиться её смерть.

Алеф не просто хотел её. Он жаждал её. Как наркоман жаждет дозу. Как голодный — хлеба. И он не остановится. Никогда.

А «Взор»? Глеб, Семён Семёнович, все эти люди в бункере? Для них она была ресурсом. Оружием. Может, и союзницей. Но прежде всего — средством.

Юлия закрыла глаза.

Внутри, под рёбрами, ворочалась сила. Тёплая, колючая, живая. Озеро псионов, которое всё ещё заполнялось.

«Ковчег или бомба».

ГЛАВА 4: «ИСПЫТАНИЯ»

Утром — хотя понятие «утро» в бункере было условным, время определялось только часами на телефоне и сменой дежурств — за ними пришли.

Не Лев. Двое людей Глеба — мужчина с каменным лицом и женщина с короткой стрижкой, оба в чёрной форме, без знаков различия. Они открыли дверь карантинного отсека, бросили коротко:

— Ветрова. С нами.

Юлия встала, натягивая куртку. Лика схватила её за руку:

— Куда тебя?

— Не знаю, — ответила Юлия честно. В животе ворочалось что-то холодное и тяжёлое.

Артём сидел на койке, обхватив колени. Он не поднял головы, но Юлия видела, как напряглись его плечи.

Её повели по коридору — длинному, узкому, с потрескавшимся бетоном под ногами. Генераторы гудели за стенами, низко, монотонно, вибрация проходила сквозь подошвы, отдавалась в костях. Свет тусклый, аварийный. Они прошли мимо жилых модулей, мимо импровизированной кухни, где кто-то варил кофе, мимо поста охраны, где дежурный поднял взгляд от планшета и проводил её оценивающим, холодным взглядом.

Наконец остановились перед металлической дверью с табличкой: «Отсек 7. Лаборатория. Вход ограничен».

Мужчина набрал код. Дверь с шипением отъехала в сторону.

За ней был свет — яркий, резкий, белый. Юлия моргнула, прикрывая глаза ладонью.

Лаборатория была большой, квадратной, с высоким потолком. Стены облицованы металлическими панелями, пол — бетон, покрытый серой краской. Вдоль стен стояли стеллажи с аппаратурой — мониторами, серверными блоками, какими-то устройствами с мигающими индикаторами. В углу — тепловизор на штативе, направленный в центр комнаты. На столе — планшеты, провода, датчики, похожие на те, что крепят к пациентам в больницах.

В центре стояло кресло.

Оно было похоже на стоматологическое — массивное, с подлокотниками и подголовником, обитое чёрной кожей. Но вместо лампы над ним висела конструкция из металлических дуг, усеянных датчиками, камерами, проводами. Вокруг кресла — круг из мелованной линии на полу, внутри которого нарисованы странные символы, похожие на те, что Юлия видела в архиве.

Пахло озоном, антисептиком и чем-то металлическим, горьковатым.

Глеб стоял у стола, спиной к двери, изучая что-то на планшете. Он был в белом халате поверх камуфляжной формы — сюрреалистичное сочетание врача и солдата. Когда дверь закрылась, он обернулся.

Лицо его было спокойным, непроницаемым. Глаза цвета промокшего пепла скользнули по Юлии — быстро, оценивающе, как сканер.

— Садитесь, — сказал он, кивнув на кресло. Голос ровный, без эмоций. Это был не приказ. Это была констатация факта.

Юлия не двинулась с места.

— Зачем? — спросила она. Горло сухое, голос дрожит, но она держится.

Глеб отложил планшет, подошёл ближе. Он был высоким, широкоплечим, и в этом ярком свете казался ещё массивнее. Руки сложены на груди. Он не угрожал. Просто стоял. Но его присутствие давило, как атмосферное давление перед грозой.

— Будем снимать базовые показатели, — сказал он коротко. — Реакцию на стресс-факторы. Пределы. Если мы собираемся использовать вас в операциях, нам нужно знать, на что вы способны. И где ломаетесь.

«Использовать». Он сказал это так просто, как говорят «использовать инструмент». Молоток. Отвёртку. Оружие.

Юлия сжала кулаки. Внутри что-то вспыхнуло — горячее, яростное.

— А если я откажусь?

Глеб посмотрел на неё долго, без выражения. Потом пожал плечами:

— Тогда вы бесполезны. А бесполезных мы не кормим. — Пауза. — Дверь наверх открыта. Можете идти. Сеятели найдут вас за день. Максимум два.

Тишина.

Юлия смотрела ему в глаза и видела — он не блефует. Ему всё равно. Она для него — ресурс. Полезный или нет. Третьего не дано.

Медленно, стиснув зубы, она подошла к креслу и села.

Датчики были холодными. Глеб крепил их сам — на виски, на грудь, на запястья, на основание черепа. Его пальцы двигались быстро, профессионально, но каждое прикосновение было неприятным — не больно, просто чужим, вторгающимся. Юлия сидела неподвижно, сжав подлокотники так сильно, что побелели костяшки.

— Расслабьтесь, — бросил Глеб, затягивая ремень на её запястье. — Напряжение исказит показатели.

— Я в кресле, обвешанная проводами, как подопытная крыса, — ответила Юлия сквозь зубы. — Расслабиться, говорите?

Он даже не улыбнулся. Закончил с датчиками, отошёл к столу, включил мониторы. Экраны вспыхнули, на них побежали линии — кардиограмма, энцефалограмма, что-то ещё, непонятное.

— Первая проба, — сказал Глеб, не оборачиваясь. — Просто сконцентрируйтесь. Дышите ровно. Не пытайтесь использовать силу. Просто будьте собой.

Юлия закрыла глаза, попыталась дышать ровно. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Внутри, под рёбрами, ворочалось что-то тёплое, живое. Псионы. Озеро, как сказал Семён Семёнович. Она чувствовала его постоянно теперь — как второе сердце, как пламя, горящее внутри груди.

Мониторы запищали. Тихо сначала, потом громче.

— Интересно, — пробормотал Глеб.

Юлия открыла глаза. На экранах линии прыгали, вырисовывая высокие пики. Один из датчиков на виске стал горячим. Она поморщилась.

— Что происходит? — спросила она.

— Самопроизвольная эмиссия, — ответил Глеб, не отрываясь от мониторов. В его голосе впервые прозвучало что-то похожее на интерес. Холодный, научный интерес. — Даже в состоянии покоя вы излучаете пси-энергию. Как ядерный реактор на низкой мощности. Фоновое излучение в пределах метра от вас — в десять раз выше нормы.

Он постучал пальцем по одному из экранов.

— Вы не просто притягиваете псионы. Вы их генерируете. Или усиливаете. Я пока не понял. — Он наконец обернулся, посмотрел на неё. — Вы уникальны. И опасны.

Юлия не знала, было ли это комплиментом или приговором.

Следующий тест начался без предупреждения.

Глеб нажал кнопку на пульте, и комнату наполнил звук — резкий, пронзительный вой сирены. Юлия вздрогнула, вжалась в кресло. Звук бил по ушам, вибрировал в черепе, вызывал панику на животном уровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.